

Эта книга не имеет ничего общего с реальным Дагестаном.

Но это не точно.

И вообще это даже не книга (хоть и в форме книги), просто я хотел рассказать важную историю.

Представьте, что ближе к ночи, размышляя о своей, возможно, не самой счастливой жизни, вы подходите к окну многоэтажки, в которой живете, и видите такую картину: в вашем дворе два десятка людей собрались вокруг небольшого костра. Вы одеваетесь потеплее и выходите на улицу. Соседи пьют кофе, едят печенье, а в центре сидит какой-то человек (с виду напоминающий не то бездомного, не то путешественника, хотя одно другому не мешает). Вы можете представить кого угодно в этом образе, хотя бы и меня. И этот человек, почесав бороду, прочистив горло, глотнув кофейку недурного качества и пообедав взглядом собравшихся, начинает рассказ. Так что считайте это рассказом. Только очень длинным. На всю ночь — а вам завтра на работу. Надеюсь, наутро вы не пожалеете, что решили присесть рядышком.

Часть I
**Действующие
лица**

Эта история произошла в Дагестане, и начну я ее с человека, которым она и закончится, — с мэра Махачкалы Исы Исаевича. На самом деле его полное имя Исагаджи. Но все называли его Исой Исаевичем.

Прежде всего надо заметить, что быть мэром какого-нибудь города — нелегкое дело, а быть мэром города в России — и вовсе не самое приятное и благодарное. Но быть мэром города Махачкала — это, пожалуй, лучший способ навлечь на себя вселенские силы зла. Глава муниципалитета «Махачкала» стоит на передовой борьбы с бюрократическим хаосом и каждый день опускается на дно кадровой несостоятельности... Быть мэром Махачкалы означает быть руководителем одного из худших (в плане экономических показателей, комфорта, социальной устроенности и всего остального) городов нашей необъятной. О чем думал Иса Исаевич, соглашаясь переехать из Москвы в Махачкалу? Зачем покинул столицу страны ради столицы малой родины? Нет, я, конечно, понимаю всплеск патриотических чувств в душе, когда он получил это предложение, но зачем? Бюджет Москвы в сто тридцать пять раз больше бюджета Махачкалы (хотя население больше лишь в двенадцать раз). В этом смысле Махачкала не самое перспективное место, тем более когда ты молод, умен и амбициозен, а Иса Исаевич был именно таков.

Троих руководителей Махачкалы до него арестовали. А того, кто был до них, убили, а того, кто был до того, которого убили, тоже убили, но не злодеи (хотя теперь уже непонятно, кто злодей), а расстреляли за подрывную деятельность против СССР, а точнее по статье 64 УК РСФСР пункт «а», «измена Родине». Он руководил Махачкалой в семидесятых и создал целую сеть подпольных издательств, где выпускал

газетенки, не понравившиеся Брежневу. Кстати, он был дальним родственником Исы Исаевича, но этот факт не имеет никакого значения для нашей истории, которая произошла зимой, в самые последние дни года.

Это событие стало известно как Большая Суета. И хоть история получилась действительно большой (как-никак о ней говорили все телеканалы мира) и оказалась самой что ни есть (в полном дагестанском смысле слова) суетой, честно говоря, ей можно было бы придумать более изящное название. «Би-би-си», например, перевела его как BIG SUETA. Ну что за безвкусица? Что за SUETA? Даже местная аварская газета «Хакикат» («Правда») перевела его как «К|удияб Л|ьут|абакьи» (даже не пытайтесь произнести это правильно) — «Большое событие». А сам Иса Исаевич называл ее просто «Историей о большом дереве». Не слишком креативно, конечно, но мэр особо и не отличался творческим мышлением. В Москве оно Исе Исаевичу не требовалось, ведь там все работали строго по документации, по правилам, а в таких делах нет места креативу. Там все решают профессионализм, ответственность и дисциплина (ну и другие еще менее приятные и более скучные вещи). Но Махачкала... что ж, это Махачкала. Креативность тут не столько хорошая характеристика, сколько способ (и порой единственный спасительный) решить ту или иную проблему.

Нашу проблему, ту самую BIG SUETU, он и помог решить. И важно заметить, что обошлось без жертв.

Ну, почти. Если не брать в расчет последствия взрыва настоящей бомбы, пару попыток покинуть этот мир, драку генерала и криминального авторитета и еще что-то там связанное со штурмом сотней военных.

Вроде бы всё. Теперь история.

Глава 1
29 декабря
Исы Исаевича
Утро

— Его реально называют Большой Суетой? — спросил Иса Исаевич, глядя в окно. Он тяжело вздохнул, его усталый взгляд был устремлен через площадь Ленина, на которой дособирали главную елку республики, через несколько административных зданий в сторону парка, в центре которого, словно гигантский гриб, нависал над городом огромный (кстати, самый крупный на территории Европы) бук. Местные жители где-то в начале двухтысячных, не особо заморачиваясь, решили называть его Большой Суетой. У бука, вероятно, было до этого другое, более величественное название, но под гнетом массовой безграмотности и бескультурия того времени (вызванных развалом Советского Союза, войной, переделом сфер влияния в республике, бандитскими разборками и повальной коррупцией) и расцвета блатной кавказской культуры оно забылось, дав место новому, более привычному для уха населения.

— Да оно как-то по-другому называлось вроде, — ответил Расул, пожав плечами. Назначенный через три месяца после Исы Исаевича, он был помощником мэра, от которого нельзя отказаться. И вроде как Иса Исаевич пытался что-то с этим сделать, дать понять руководству республики, что ему не нужен этот помощник. И под словом «этот» предполагалось, что ему не нужен конкретно Расул, но вообще от десятка других помощников глава города не отказался бы. Десятка не дали, а дали Расула. Точнее, его навязал глава республики, якобы в помощь. В действительности же, будучи не самым умным и не самым проворным (хотя сам он считал, что является именно таким), Расул шпионил для главы за мэром, причем последний об этом с самого начала знал, но вот Расул (будучи не самым умным) об этом не догадывался и был убежден, что никто не обращает внимания на его слегка излишне упорное желание присутствовать на всех, даже коридорных, и лестнично-площадных, и крыше-балконных, и подвально-парковочных, случайных встречах. А еще (будучи не самым проворным) Расул пару раз попадался на глаза секретарше мэра за подозрительным тыканьем в клавиатуру мэрского компьютера, и всякий раз с видом человека, разгадавшего шифр нацистских войск и тем самым спасшего мир, он мгновенно вставал из-за стола со словами: «Фух... документы сюда, документы туда... суэта... Устал. Ладно. Я пойду!» — и уходил. Дело в том, что документами сюда и документами туда занималась как раз секретарша, которую звали Галина Валерьевна (она была секретарем последние лет двадцать, и на ее глазах одного мэра убили, а троих последующих арестовали,

один даже обещал на ней жениться, когда выйдет из тюрьмы, но ему дали двадцатку, так что Галина Валерьевна, которой на тот момент было пятьдесят девять, вроде бы решила не ждать, однако фотку любимого шефа с полочки не убрала). На слова пойманного с поличным Расула Галина Валерьевна отвечала поднятой правой бровью и уходила, а шпион победным шагом покидал кабинет мэра.

— Никак не привыкну, — сказал Иса Исаевич. Он руководил Махачкалой уже полгода, но словосочетание «никак не привыкну» возникало в его голове постоянно. Каждый день СМИ, блогеры и простой люд пытались макнуть его лицом в грязь, а тем временем грязь в прямом и переносном смысле (оставленная, справедливости ради, предыдущими весьма-весьма сомнительными главами города) покрывала Махачкалу. Будучи самым молодым мэром в истории города (на момент начала Большой Суеты ему исполнилось сорок два; предыдущий рекорд молодости принадлежал мэру Аликперову, расстрелянному в сорок восемь), за эти полгода он постарел лет на пять. Супруга, которая вела учет седины в шевелюре мэра, махнула на это дело рукой после сорока серебристых волос, притом что полгода назад их было всего семь.

— Седые волосы приходят с мудростью, — мягко констатировала она утром этого дня, провожая мужа в очередной бой.

— И с убитыми нервными клетками, — добавил он, улыбаясь в зеркало и поправляя галстук. — И с потерянными часами сна. Метанин, кажется, не вырабатывается. Я читал.

— Мелатонин, — поправила она.

— И память немного того. Забываю всякие мелочи.

— Записывай в заметки.

— Вчера сделал семнадцать. И все равно забыл о встрече с ветеранами.

Вряд ли к обеду того дня, ожидая работников в кабинете для совещаний, он нервничал из-за седых волос или потери нервных клеток. Он размышлял о судьбе Большой Суеты, и чем дальше, тем активней у него множились седые волосы и самоуничтожались нервные клетки.

Дверь приоткрылась, в кабинет заглянула Галина Валерьевна:

— Иса Исаевич, пришли.

— Тогда начинаем, — сказал мэр, и Расул вдогонку деловито кивнул Галине Валерьевне. Этот кивок секретарша едва ли заметила, поскольку ни во что не ставила Расула, которому кивок был необходим скорее для создания иллюзии собственной важности. Слово Расула для нее в принципе ничего не значило, и поэтому на любую его просьбу типа «Подайте, пожалуйста, ЭТО» она отвечала: «ЭТО находится вон на ТОЙ полке» — и продолжала заниматься своими делами.

Работники администрации города в количестве пяти человек вошли в кабинет. Нет смысла описывать их подробно: все они были мужчинами и каждому из них было за пятьдесят. Естественно, все они считали себя ведущими экспертами международного уровня по вопросам благоустройства муниципалитетов в пределах Махачкалы. И каждый был уверен, что гораздо более, чем Иса Исаевич, достоин занимать кресло мэра. На деле же каждый из них имел какие-то

эгоистичные помыслы, а представляли они в большинстве своем либо интересы своего клана, либо интересы покровителя, что зачастую было одним и тем же.

Иса Исаевич опустился в кресло и окинул присутствующих задумчивым взглядом. Настенные часы тикали едва слышно, но некоторое время этот звук был единственным в кабинете. Начальники комитетов и заместители управлений по чему-нибудь старались смотреть в основном на стол перед собой (на уровне инстинктов ощущая за что-то вину), но иногда тоже обменивались задумчивыми взглядами и деловито кивали друг другу.

Это было первое из шести запланированных на день совещаний, поэтому стоило экономить силы. Соответственно мэр решил в этот раз не отчитывать никого из присутствующих за вклад в общий успех миссии по спасению города.

Предвещая тяжелый и не самый приятный разговор, мэр потер лоб, брови и виски (ровно в такой последовательности, потому что супруга обучила делать именно так), а затем легким жестом предложил обладателю пышных и явно подкрашенных советских усов начинать. Тот принялся мямлить что-то, заглядывая в записную книжку, но, как часто это происходит с дагестанцами, заметив, что никто его мнение не опротестовывает, довольно быстро обрел уверенность в своих словах, затем поднял уровень убеждения путем применения энергичных постукиваний указательным пальцем по документации и наконец, решив, что ему не хватает последней капли, напряг брови и выстрелил взглядом в коллег. Те закивали в такт стукам пальца. Получив обратную связь, он добавил что-то об общих

целях и задачах, наглядно подкрепив свои слова сжатием пальцев другой руки в кулак. Чтобы никто не усомнился в пламенной речи, завершил чиновник ключевыми для подобных выступлений словами «Чего и ждет от нас наш президент!» и ткнул постукивавшим пальцем на стену, единолично захваченную огромным портретом президента двадцатилетней давности.

Мэр продолжал смотреть на место в столе, в котором только чудом еще не появилась ямка после пальца.

— Так что вот в таком мы положении, — добавил усатый стукач после паузы, разводя руками.

— То есть у них есть на это разрешение? — переспросил мэр.

— Да... — виновато опустил глаза усач.

— И когда они собираются начать?

— Первого января. Через три дня.

— То есть ночью, на Новый год?

— Сразу после салютов, — ответил усач, подглядев в документ. — В ноль часов пять минут.

— И мы никак не можем им помешать?

— По документам все чисто, — влез лысый мужичок. — Эта территория принадлежит им уже лет пятнадцать. По договору они могли и могут забрать ее в любой момент.

— И решили именно сейчас. Кто выдавал разрешение? Пятнадцать лет... Баматов? — спросил Иса Исаевич, сдвинув брови. Баматов был мэром с 1998 по 2009 год, его взяли за хищения в размере 750 миллионов рублей. Дело было весьма сомнительным, но его обвинили в присвоении шестой части городского бюджета. Денег в итоге нашли в десять раз меньше. Определенно в махинациях он участвовал, но сместили его скорее по политическим причинам, накинув еще

с десятков статей. Так происходило с каждым после него, но хуже хищений был бардак. К примеру, земли города, на которые претендовали по три или четыре владельца, с пеной у рта доказывающих, что именно они и только они имеют полный пакет документов на право собственности, или, скажем, четыреста пятьдесят восемь строящихся с нарушениями объектов. А еще долг города в размере двух с половиной миллиардов рублей. А еще мусорный коллапс (руководителя соответствующей структуры тоже арестовали за растрату, а мусороуборочную компанию признали банкротом). А еще высыхающее озеро Ак-Гёль, находящееся на территории города, а еще земельные конфликты жителей окраин, тянущиеся десятки лет (тут же можно упомянуть распроданные прибрежные земли общей длиной два десятка километров), а еще угробленные дороги, трещащая по швам система ЖКХ, — и надо всем этим огромным грозовым облаком нависало давление со стороны общественности. И ладно бы только народное недовольство, но государственные СМИ? Они нападали только по отмашке выше, и раз мэра критиковали по причине и без — значит, глава республики только и ждал возможности отправить его в отставку и по стандартной схеме продвинуть на должность своего племянника, зятя, сослуживца или друга детства.

Отсюда вопрос: зачем назначать мэра, чтобы через полгода его увольнять? Ну, тут все просто: мэр делал свою работу так, как ее надо делать. По крайней мере пытался. И это было проблемой.

— Да, — ответил лысый.

— Бардак, конечно, — прокомментировал Расул, за что получил от мэра гневный взгляд.

— Мы не можем предложить им другую территорию? Может, мы как-то договоримся? За городом собирались стадион строить. Хорошее место. Федеральная трасса, море рядом.

— Речь о сотнях миллионов рублей.

— Если не о миллиарде. Штрафы, суды, неустойки. А у нас долги, — добавил еще один.

— То есть это все? — Мэр оглядел всех присутствующих. — Мы дадим им срубить самый большой дуб в Европе?

— Бук, — поправил Расул.

— Которому... Кстати, сколько ему лет?

— Больше трехсот, — отозвался дедуля в конце стола.

— Триста... Его нельзя просто срубить. Это историческое, культурное, природное достояние! Ищите способ остановить процесс, ищите нарушения, подключите органы.

— Но у них по документам все чисто, мы уже проверили, — возмутился еще один.

— С момента, как я занял эту должность, тут ни одного документа не было стопроцентно чистого! Ни одного! Вы даже субботники с нарушениями проводите! Все чисто у вас только с выписыванием друг другу премий! Ищите способ остановить их. Мы должны спасти дерево.

— Большую Суету, — поправил его Расул, но сразу виновато опустил глаза в бумаги и начал читать (абсолютно пустые листы).

— Всё? — спросил мэр у помощников.

— Представители «Голден Сити» хотят встретиться сегодня, — заметил один.

— ... — буркнул что-то околматерное мэр. — Перенесем на завтра. Нужно найти решение.

— Мы уже переносили два раза...

— Перенесем в третий! — гаркнул он, но затем, тяжело вздохнув, добавил: — Хорошо, сегодня.

— У них складывается впечатление, что мы намеренно оттягиваем обсуждение судьбы земли и дерева.

— А мы именно намеренно оттягиваем обсуждение земли и дерева.

За этими словами комментариев и дополнений не последовало, и мэр предложил всем вернуться к работе.

Некоторое время он постоял у окна, глядя, как рабочие прикручивают пластиковые ветки к основанию елки. Та не могла похвастаться несколькими сотнями лет от роду, но через несколько дней металлопластиковой конструкции должно было перевалить за два десятка, и это означало, что срок ее годности истек. Иса Исаевич отправил наверх запрос с целью заменить елку прямо сейчас, но услышал стандартное: «Бюджет города не позволяет». Что ж, придется довольствоваться тем, что есть. Не то чтобы елка выглядела старой... нет, просто как бы чего не вышло? Вдруг упадет?

— Как бы чего не вышло... — произнес он вслух ненавистные ему слова. Это принцип, по которому живет каждый чиновник, каждый бюджетник республики. С первого рабочего дня он столкнулся с этим. В августе приезжал экспериментальный театр, попросил дать возможность выступить на площади. Без ведома мэра начальник культурных проектов отказал. Экспериментальный! Это что за эксперименты они собрались ставить на сцене? Как бы чего не вышло!

Местная киностудия хотела снять фильм о школьнике, мечтавшем стать профессиональным бойцом, — отказ. Инсценировка традиционной кавказской свадьбы — отказ. Тотальный диктант — а вдруг кто узнает об уровне образования в республике? — отказ. Как бы чего не вышло.

— Курбан, добрый день, подскажите, пожалуйста, мы успеваем с елкой? — поинтересовался он у телефона и отправил голосовое сообщение.

— Добрый день! Да, Иса Исаевич, сегодня к полуночи закончим. Но есть проблемка. С гирляндами. Точнее, с проводкой.

— Что с ней?

— Елка у нас хранится в подвале здания администрации. В общем, крысы, Иса Исаевич. Перегрызли проводку.

— В здании администрации города есть крысы?

— А? Ха, крысы везде есть!

— В каком смысле?

— А вы про людей или про... В общем, мы работаем. Проводку исправим.

— Хорошо.

В кабинет вошла Галина Валерьевна.

— Иса Исаевич, пришли представители спортивных федераций. Совещание через семь минут.

— Пусть войдут, — сказал он, опять вздохнув.

— А еще звонили из «Голден Сити». Попросят подписать документ на разрешение начала работ. Прислали копию. И напоминают о сегодняшней встрече.

Она протянула мэру лист, и тот зачитал вслух: «Вырубка объекта, известного в народе как Большая Суета...» Мэр грустно усмехнулся и опять посмотрел в сторону самого большого в Европе бука.

Глава 2

Про слова и бомбы

В этой истории много героев. Кто-то более значителен, кто-то менее. Мы остановимся на восьмерых (включая мэра и одного генерала). Каждый из них к концу истории изменится. То есть сделает что-то важное. Ну, точнее кто-то сделает, а кто-то скажет. Тут, в Дагестане, больше ценятся дела, чем слова, но мы ведь прекрасно понимаем, что иногда слова — самое что ни на есть дело. Иногда слова — это прямо-таки сложное дело. Большое. Например, сколько раз в жизни нам приходилось искренне говорить «Извини»? Извините, но для среднестатистического жителя республики Дагестан искренне извиниться — это прямо-таки невероятное дело! И чем более важен момент, тем сложнее оно нам дается. То есть, наступив в автобусе женщине на ногу, мы, опустив глаза и слегка поджав губы, все-таки скажем «Извините», но, поссорившись с супругом или супругой, довольно долго будем ходить вокруг да около и очень нескоро, и то если повезет, наконец произнесем то самое слово.

Так устроены эти слова.

Кстати, кое-кто из наших героев тоже скажет «Извини». Но в данный момент (утром 29 декабря) один

из тех, кто извинится (за то, что туповат и времени не было учиться) занят тем, что пытается собрать бомбу. Много лет назад он уже имел подобный опыт, но тогда было проще. Теперь все по-другому. Так как в интернете почти невозможно найти гайд по ее изготовлению, он решил собрать новогоднюю хлопушку. БОЛЬШУЮ. НОВОГОДНЮЮ. ХЛОПУШКУ.

ВНИМАНИЕ, СПОЙЛЕР!

В момент, когда произойдет взрыв, он поймет, что слегка ошибся в расчетах. Как станет понятно герою потом, в жизни есть три момента, когда желательно более внимательно производить расчеты: когда сложишь яичницу, когда собираешь что-то взрывоопасное и когда пытаешься искренне сказать «Извини». Кстати, в последних двух случаях эффект был схожим: один в масштабах немецкого высокотехнологичного имущества массой в сотню тонн, другой в масштабах страны, ну и личности заодно.

Глава 3

Немного про избушку

Избушку решили построить летом, когда стало ясно, что поток туристов в Махачкалу не очень зависит от состояния городской инфраструктуры и эпидемиобстановки. Республиканское министерство туризма во второй половине сентября гордо констатировало, что количество гостей перевалило за полтора миллиона.

Сначала избушку предлагали назвать шалашом, но, учитывая, что власти постарались сделать из нее туристический объект, то есть собрали почти настоящий домик на дереве, остановились все-таки на избушке. На высоте двадцать метров над землей. Подняться туда мог не каждый, потому как администрация города не разрешила строить гигантскую лестницу с пролетами на высоту семиэтажного здания. Вид был бы не очень. Другой вариант — винтовая лестница, со ступеньками, приделанными к стволу дерева, — также не устроил ни экологов, ни общественных активистов, ни администрацию. Сошлись

на традиционной лестнице, спускавшейся из избышки отвесно вниз. Для любого, кто хотел подняться по ней, это был серьезный челлендж. Собственно, об этом и говорила табличка у места начала восхождения: что отважившемуся предстоит преодолеть семьдесят металлических прутьев, прежде чем он окажется в избышке, и, кроме кольцевого ограждения лестницы, на другие меры защиты рассчитывать не стоит.

Внутри избышка ничего особенного собой не представляла. Это было квадратное помещение пять на пять метров. Крыша держалась за счет четырех столбов по углам. Все четыре стены имели окна, но без стекол. Просто рамы. Избушка, по сути, была простой деревянной смотровой беседкой, но на дереве, с видом на все четыре стороны на Махачкалу и единственным выходом — он же вход. Или спуск. Или подъем. Был в ней еще и автомат, выдававший самые разные напитки сомнительного качества в бумажных стаканчиках (еще более сомнительного качества), включая два типа бульона: бараний и куриный.

Информация насчет бульона очень важна. Как минимум потому, что в Дагестане есть некоторое количество человек, свято верящих, что бульон — одна из причин, почему этот мир еще не навернулся к чертям. А еще потому, что бульон отчасти сыграл решающую роль в этой истории. Но об этом потом.

Еще в избышку в какой-то момент провели интернет. Это не так важно, как бульон. Но все же вайфай — это хорошо, где бы он ни был.

КСТАТИ, НАВЕРНОЕ, САМОЕ ВРЕМЯ ЗАМЕТИТЬ, ЧТО 29 ДЕКАБРЯ БЫЛ ОЧЕНЬ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. Можно даже сказать, весенний декабрьский день.

Глава 4

29 декабря Шамиля

Проснулся Шамиль ровно в четыре часа утра.

В это время другой герой истории — Иса Исаевич еще спал беспокойным сном, видимо, осознавая, что сегодня судьба Большой Суеты будет решена и шансов сохранить дерево у города немного.

Шамиль совершил утреннюю молитву и попросил Бога о том, чтобы то, что он решил сделать, произошло задуманным образом. Чтобы никто не пострадал от его действий, а власти услышали его требования и прислушались к ним. Но шансов и на это почти не было. Однако положение, в которое попал Шамиль, не оставляло ему выбора. Дагестанцы вообще народ категоричный, и наша история еще не раз это продемонстрирует. Если нас, дагестанцев, припрут, мы готовы идти до конца, иногда вопреки тяготам, иногда вопреки здравому смыслу. Что поделаться... такой мы народ. Мы вообще любим все абсолютное, ультимативное: победа или смерть, 300 километров в час по трассе или инвалидное кресло, пояс чемпиона мира или торговать китайскими тапочками на рынке. Ну, вы поняли.

В деле Шамиля лимит здравого смысла был почти исчерпан. Целый год он изо всех сил черпал из этого колодца ковши с терпением и надеждой, но, к сожалению, зачерпнув неделю назад, заметил, что ковш скорее наполовину пуст, чем полон, и тогда понял: пора что-то делать. Тут-то и подвернулась новость о том, что международная компания-застройщик «Голден Сити», хозяином которой является один из богатейших жителей Дагестана, России и мира (человек с весьма сомнительным прошлым), заявила права на владение землей, где растет бук.

В течение дня Шамиль следил за Большой Суетой. Ничего необычного не увидел, кроме, пожалуй, чуть более активного внимания со стороны населения и полиции. За несколько часов наблюдений в промежутке между девятью часами утра и обедом он успел заметить трех популярных блогеров и множество туристов. Махачкалинцы, кажется, довольно быстро смирились с потерей Большой Суеты. Уж если власть приняла решение, то оспорить его шансов не было. Проходили сотню раз. Некоторое количество блогеров отрицательно высказалось о планах по уничтожению бука, несколько правозащитников и оппозиционеров также пошумели, но, как всегда, шум быстро стих. Тут, конечно, позаботились государственные информационщики: стандартные высмеивания, упреки в попытках хайпануть и обещания попытаться сделать все возможное, но с оговоркой, что действовать необходимо в соответствии с буквой закона и никак иначе. Каждый, кто был в теме, понимал, что вопрос с Большой Суетой «наверху» уже закрыт. Все, кто должен был поставить свою подпись (за исключением Исы Исаевича, на которого, собственно, с подачи государственных СМИ

и набросился дагестанский народ как на главного виновника), уже ее поставили. Никто в Белом доме не планировал делать все возможное, если под этим подразумевалось спасение бука.

Около месяца жители республики горевали по дереву, но дальше хештегов в духе «#спасемБольшуюСуету» дело не пошло. День казни близился. Блогеры и местные жители прощались, подкрепляя свою скорбь грустными селфи, и за этим следил Шамиль. Почесав густую и, по словам мамы, отчаянно мечтавшей его наконец женить, старившую его (Шамилю было двадцать семь лет) бороду длиной в кулак, он посмотрел на время. Обед. Решил перекусить, совершить обеденную молитву, а затем вернуться, но занять уже другую позицию, ведь блюстители закона не дремали. Да и человек с такой бородой был вдвойне подозрителен.

Встав у края второстепенной дороги, он задумался о том, как будет выглядеть парк без Большой Суеты. Да никак. Никак не будет. Махачкала и так никак не выглядела, а без бука эта никакистость пробила бы дно. Уничтожение Большой Суеты было сравнимо с искусственным осушением озера Ак-Гёль, против чего он последние пять лет боролся в составе общественной организации, ныне уничтоженной. Озеро (по крайней мере основную его часть) они отвоевали, но за этой землей в центре Махачкалы стояли силы совершенно другого масштаба. Годовой оборот «Голден Сити» был в девять раз больше годового бюджета всей республики, то есть больше триллиона рублей. В общем, «Голден Сити» — это не шутки.

Стоя у пешеходного перехода, он услышал звонкую, быструю и чересчур вызывающую речь явно

не дагестанского типа. Шамиль обернулся и увидел девушку, выплескивающую свое негодование по поводу судьбы Большой Суеты в экран телефона. Судя по тому, как она его держала и постоянно пыталась подобрать наиболее красивый ракурс, девушка вела эфир или записывала видео. Но лучше бы смотрела на дорогу, подумал он. А потом и высказал ей это в не самой доброжелательной манере, схватив за предплечье. Через мгновение перед ними пролетела машина.

Девушка взглянула на него, потом на машину, потом на экран телефона.

— Лучше на дорогу смотрите... — буркнул Шамиль.

— Ой! — воскликнула она.

— Дорога, — сказал он.

Растерянная девушка осталась стоять на месте, а он угрюмо побрел дальше, размышляя о том, какой все-таки безмозглый народ пошел. Со всеми этими инстаграммами* и тик-токами. А эти туристы! Ух... Шамиль не был особо приветлив и с обычными жителями Махачкалы, а уж туристы порой просто выводили его из себя. Их внешний вид, их привычки, разговоры. Лучше бы сидели дома... Откуда бы они ни взялись. И эта... кукла тоже.

Вечером внимание к дереву усилилось. Народ и не планировал расходиться, продолжая развлекаться на площадке перед Большой Суетой. Зима выдалась теплой. Нынешние вечерние +10 в канун

* Деятельность Meta Platforms inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

Нового года и вовсе казались рекордными. Надежды на снег не было.

Через два часа гуляний под деревом Шамиль начал замерзать. Пританцовывая, он сделал еще один круг, а затем сел на освободившуюся скамейку прямо напротив Большой Суеты. Взглянул наверх. Там горел свет. К десяти часам избушка должна была закрыться, а администратор — запереть дверцу и спуститься вниз.

— Сержант Зулпукаров, — представился один из двух полицейских, оказавшихся рядом. — Я тут заметил...

Второй полицейский перебил сержанта Зулпукарова, громко прочистив горло.

— Мы оба заметили, что вы тут подозрительно ходите. Туда. И сюда тоже.

— Это как?

— Ну... Сперва туда. — Зулпукаров указал в сторону бука. — А потом сюда, — и указал на скамейку.

— Вы сказали: подозрительно. Это как?

Задумавшись, Зулпукаров почесал затылок. Второй опять что-то шепнул ему, стрельнув взглядом в сторону спортивной сумки Шамиля. Сержант, как будто нашлась разгадка убийства века, мгновенно оживился. Брови затанцевали.

— А с сумкой. Вот как. Ходите с сумкой. Туда, а потом сюда. И не один раз. Я бы сказал, что вы... — (второй шепнул подсказку), — сомнительной наружности человек. Вот как! — самодовольно усмехнулся сержант, посмотрев на напарника.

— Из-за сумки? Или из-за бороды? Или из-за обуви? — Последнее Шамиль добавил раздраженно и поднял ноги так, чтобы блюстители закона заметили его потрепанные кроссовки.

— А не предъявить ли вам, уважаемый, документы?

— Предъявите, — ответил Шамиль и протянул руку в ожидании удостоверения. Ошеломленный сержант Зулпукаров полез во внутренний карман куртки и достал документ.

— Так-то я имел в виду ваши документы. Но и свои показать могу. Нате.

Шамиль взял документ. Посмотрел на фото, а потом на него.

— Это я там до свадьбы, — виновато добавил сержант. — Сейчас набрал немного. Но я планирую сбросить килограммов пять. Или даже шесть. В спортзал записался. Ну, почти.

Второй шепнул что-то на ухо.

— Оставь меня! Я тебе тысячу раз сказал, что не могу не кушать сладкое! Тесто — без проблем! Мясо? Справлюсь как-нибудь. Но сахар оставь в покое! Без сладкого я себя плохо чувствую! — возмутился сержант.

Шамиль вернул документ. Показал свой. Полицейские некоторое время внимательно рассматривали то фотографию, то лицо.

— Ищите пять отличий или что? — буркнул Шамиль.

— Какой дерзкий гражданин, — усмехнулся сержант Зулпукаров и вернул документ. — А в сумке что? Бомба?

— Ты мыслишь стереотипно. Тебе не говорили?

— Да, я такой. Люблю мыслить, — довольно согласился сержант, указав на свою голову. Шамиль покачал головой и открыл сумку. Наверху лежал разводной ключ и под ним еще пара инструментов, а потом

черный пакет, который внимательные и ответственные полицейские сочли бы подозрительным. Но это был не совсем тот случай. По крайней мере второй полицейский постеснялся озвучить мысли по поводу со-держимого подозрительного пакета.

— Инструменты.

— И что вы тут делаете, уважаемый, с инструментами?

— Трубы чиню. Ремонт в другом конце парка видел?

— Видел.

— Это наша бригада.

— Хм-м... — выразил сомнения сержант.

Второй было собрался опять что-то шепнуть, но вмешался Шамиль:

— Хватит уже шептаться!

— Он стеснительный! — вступился за коллегу сержант.

— Со мной всё? — спросил Шамиль, теряя терпение.

— С тобой всё. Или не всё. Или... — Так и не сумев подобрать эффектного окончания их диалога, сержант Зулпукаров с коллегой развернулись и ушли.

Минут через пятнадцать Шамиль утратил остатки терпения. Он встал со скамейки и собрался было начать еще один согревающий круг по парку, как вдруг свет в избушке погас. По отвесной лестнице спустились последние гости смотровой, а за ними и администратор. Он натянул цепь на ограждение так, чтобы помешать, насколько это было возможно, желающим забраться по лестнице наверх, щелкнул замком и для самых непонятливых накинул на цепь табличку «ЗАКРЫТО». И ушел.

Шамиль к непонятливым не относился, но табличку все равно проигнорировал. В принципе он мог бы и не портить госимущество в виде замка и цепочки, ведь это была так себе преграда, но, вероятно, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, он тем самым разводным ключом сломал замок. Коротко обратившись к небу со словами, что вверяет Создателю свою судьбу, Шамиль полез по семидесяти ступенькам вверх с целью узурпации избушки, а вместе с ней и Большой Суеты.